

Лекарство 2001 — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 39—130.

Никифоров 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Новгород 2001 — Традиционный фольклор Новгородской области / изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001.

Озаровская 2000 — *Озаровская О. Э.* Пятиречье. СПб., 2000.

Погудка 2003 — Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XIX века. СПб., 2003.

Потявин 1960 — Народная поэзия Горьковской области. Вып. первый / сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960.

Пудожье 1982 — Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

Смирнов 2003 — Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А. М. Смирнова. СПб., 2003. Кн. 1.

Соколовы 1999 — Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1.

Тамбовский фольклор 1941 — Тамбовский фольклор / ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941.

Тимофеев 2001 — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и записаны Петром Тимофеевым (1787 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 229—378.

Худяков 2001 — *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

Чистов 1958 — Перстенок — двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии) / сост., вступ. статья и коммент. К. Чистова. Петрозаводск, 1958.

Сокращения

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Summary. The article examines the impact of cheap popular folk tales on the oral versions. On the example of the Russian fairy tales about the abduction of women we traced the impact of book tradition of 18th — 19th centuries manifested in the use of characters' names.

Key words: Cheap popular tradition, Russian fairy tale, abduction of women, names of the characters.

И. А. БЕССОНОВ
(Москва)

ЛЕГЕНДЫ О ПАДЕНИИ ЦАРСТВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению легенд о падении царств в византийской и славянской литературах и фольклоре. Анализируются сообщения и повествования о пророчествах, знаменьях, вещих снах, предрекающих падение городов и царств, дается список наиболее типичных мотивов, характерных для рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: средневековая литература, легенда, пророчества, знаменья.

Предметом настоящей статьи являются византийские и славянские повествования о падении городов и царств, точнее рассказы о знаменьях и пророчествах, т. е. символических и непосредственных, прямых, указаниях на будущие события, влекущие за собой гибель царств. Важные исторические события, изменявшие судьбы народов и государств, всегда получали свое отражение и в литературной и в фольклорной традиции. Как правило, в данном случае эти традиции были тесно взаимосвязанны: средневековые писатели активно черпали материал из актуальной фольклорной традиции, перерабатывая ее в соответствии со своим пониманием истории. Фольклорная традиция также использовала информацию, образность, идеи, заимствованные из книжных источников. При этом следует говорить не только о связи актуальной, современной фольклорной традиции с современными литературными произведениями, но и о многовековой традиции повествований о падении царств, восходящей еще к античным и библейским источникам. Необходимо отметить, что эта традиция всегда было устно-письменной, тесно сочетающей литературную и фольклорную традицию.

Целью нашего исследования стало выделение основных образов, мотивов, сюжетных ходов, характерных для подобных повествований. Непосредственным материалом для нашего исследования послужили «Иудейская война» Иосифа Флавия, «Пленение Иерусалима персами» Антиоха Стратига, три византийские повести о падении Константинополя (Дуки, Михаила Критувула и Сфрандзи), древнерусская повесть о взятии Царьграда турками, южнославянские баллады о турецком завоевании и древнерусская «Казанская история». Все эти произведения выстраиваются в единую традицию, восходящую к тому синтезу библейских и античных материалов, который мы находим уже в знаменитом сочинении Флавия. В дальнейшем она продолжается в сочинениях византийских историков, а затем, вместе с православием, переносится в славянские земли. Новый всплеск подобного творчества мы видим в XV в., когда создается обширный цикл литературных и фольклорных произведений о турецком завоевании. В это же время мы видим новое византийское и южнославянское влияние на древнерусскую письменную культуру, вошедшее в историю как «второе южнославянское влияние».

Перейдем к рассмотрению мотивов, наиболее характерных для повествований о падении царств. Довольно часто в этих произведениях мы находим указание на то, что город был обречен на падение еще во дни своего основания. Так, в «Повести о взятии Царьграда турками» древнерусского писателя Нестора Искандера рассказывается, что перед началом строительства новой столицы император и его вельможи видят чудесное знамение: «И вдруг выползла из норы змея и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и люди смотрели на орла и змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз, затем показался снова, стал снижаться и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змею убили и орла у нее отняли» [Повесть 2000, 29]. Греческие мудрецы дают этому видению такое толкование:

110 «Это место “Седьмохолмый” называ-

ется, и прославится, и возвеличится во всем мире больше всех городов, но поскольку встанет город между двух морей, и будут бить его волны морские, то суждено ему поколебаться. А орел — символ христианский, а змея — символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возвещено, что мусульманство одолет христианство. А так как христиане змею одолели и орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и Седьмохолмым овладеют, и в нем воцарятся» [Там же]. Таким образом, мы видим классическое знамение, явленное при основании города и предрекающее события его будущей истории. По своей форме оно, скорее всего, восходит к библейской образности — снам Фараона, Навуходоносора и видениям Даниила. Сам сюжет битвы между орлом и змеей происходит еще из античных источников и был заимствован Нестором Искандером из византийской литературной или фольклорной традиции [Скрипаль].

Похожий мотив мы находим в татарском предании об основании Казани. При строительстве Казани в основание фундамента строящегося города необходимо было положить выбранную по жребию жертву. Жребий пал на ханского сына, но строители, пожалев его, убили и закопали под фундаментом города собаку. Хан обрадовался спасению сына, однако сказал, что город, построенный над трупом собаки, впоследствии перейдет в руки неверных [Шпилевский 1877, 69]. Здесь мы находим такое же отождествление противника с негативным животным символом, как и в повести Нестора Искандера: если в древнерусской повести мусульмане изображаются в виде змеи, то в татарской легенде собака символизирует христиан.

Надо сказать, что татарская легенда намного архаичней и глубже укоренена в фольклорной традиции, чем рассказ Нестора Искандера. В древнерусской повести речь идет о знамени, некоем аллегорическом изображении будущих событий. Император Константин просто получает предсказание о будущей судьбе своей столицы. В татарской легенде речь идет об ошибке строителей, не принесших требовавшую-

ся строительную жертву. Именно эта ошибка в итоге становится причиной падения Казани. Этот мотив широко распространен в народных преданиях о «строительной жертве». Так, в боснийской балладе «Построение минарета Дервиш-паши» рассказывается, что паша несколько раз принимается за строительство минарета, однако каждый раз он рушится после окончания работ. Паша обращается с молитвой к Богу и получает во сне ответ: при начале строительства он отказался принести в жертву барашка; теперь паша должен заколоть собственного сына на фундаменте минарета. И только после этого ему удастся закончить строительство.

Другим мотивом, характерным для легенд о падении царств и городов, является существование древних предсказаний, предвещающих их падение. Этот мотив мы находим уже в античной традиции. Так, в «Илиаде» Гомера Гектор говорит:

Будет некогда день, и погибнет
 священная Троя.
Древний погибнет Приам, и народ
 копыеносца Приама.

Этот же мотив мы находим и в Библии, в книге Исаии. Там рассказывается о том, как Исаия приходит к израильскому царю Езекии. Узнав у него, что к нему приходят вавилонские послы, которым царь показывал свой дворец, Исаия произносит пророчество о будущем Иудеи: «И сказал Исаия Езекии: выслушай слово Господа Саваофа: Вот, придут дни и все, что есть в доме твоём и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. И возьмут из сыновей твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, — и они будут евнухами во дворце царя Вавилонского» (Ис 39, 6—7).

В византийских повестях, рассказывающих о падении Константинополя, этот мотив также встречается. Так, в повести византийского историка Дуки, посвященной падению Константинополя, приводится следующий рассказ о Михаиле Палеологе, основателе последней византийской династии: «Как-то раз Михаил гадал по полету птиц, унаследует ли его сын

царство после его смерти. Ибо он мучился совестью, неправедно захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчисленные проклятия на свою голову и на род свой. Оракул издал неопределенный звук: “Мамаими”. Прорицатель же истолковал его так: “Сколько букв в этом бессмысленном слове, столько императоров из твоего рода будет царствовать, а затем царство будет отнято у Города и у твоего рода”» [Византийские источники 2006, 109]. Дука относит исполнение этого предсказания ко времени падения Константинополя.

Важную роль в повествованиях о падении царств играют не только древние, но и современные пророчества, пророчества, адресованные непосредственным современникам событий. Очевидно, что любая критическая ситуация, тем более угроза вражеского завоевания, вызывает у многих людей апокалиптические настроения. Появление в этой ситуации пророков, предвещающих будущие бедствия, представляется совершенно естественным. Многие упоминания о таких пророчествах восходят к реальным историческим событиям (например, в «Иудейской войне» Флавия). С другой стороны, устоявшаяся литературная традиция требует подобных мрачных пророчеств и предсказаний; так, приведенный ниже пример из «Казанской истории» скорее является данью литературной традиции, нежели реальным историческим фактом.

Пророчества, предвещающие скорое падение царства, фигурируют уже в античных и библейских источниках. В «Илиаде» такую роль играют предсказания Кассандры; в библейских повествованиях о взятии Иерусалима вавилонянами — пророчества Иеремии. В «Иудейской войне» Иосифа Флавия также рассказывается о некоем пророке, явившемся в город незадолго до начала войны с римлянами: «А вот предзнаменование еще более грозное. Некий Йехошуа, сын Ханана, простой деревенский житель, за четыре года до войны, когда в Иерусалиме царили мир и благополучие, явился на праздник, на который все евреи строят для Бога кущи, и посреди Храма вдруг начал выкрикивать: “Глас от востока, глас от запада, глас от четырех ветров, глас

над Иерусалимом над Храмом, глас над женихами и невестами, глас надо всем народом!” День и ночь он ходил по улицам, повторяя этот крик. <...> Он умолк лишь во время осады, после того, как собственными глазами увидел свершение своих пророчеств» [Иосиф Флавий 2008, 395]. С подобным мотивом мы сталкиваемся и в древнерусской литературе. Так, в «Казанской истории» роль пророчицы, предвещающей будущие бедствия, играет казанская царица Сумбека, предсказывающая взятие Казани незадолго до начала войны с русскими: «Словно новая Сивилла, Южская царица, со вздохом ответила [Сумбека] ему: “Не радуйся, царь, ибо недолго будет длиться у нас эта радость и веселье, но после твоей смерти обратятся они для оставшихся плачем и нескончаемой скорбью, и за неповинную эту христианскую кровь заплатят они своей кровью, и поедят тела их звери и псы, и отрадней тогда будет неродившимся и умершим, и не будет уже после тебя царей в Казани, ибо искоренится вера наша в этом городе, и будет в нем святая вера, и будет им владеть русский правитель”» [Казанская история 2004, 347]. Пророчество Сумбеки, полное совершенно невозможных в устах татарской царицы выражений («неповинная христианская кровь», «святая вера» — о христианстве), безусловно, является выдумкой автора «Казанской истории».

Реакция жителей обреченного города на предсказания пророка, как правило, крайне негативна. Иеремию обвиняют в коллаборационизме, поддержке вавилонян, бросают в темницу и едва не убивают. Йехошуа, сына Ханана, избивают, бьют плетью, признают одержимым; Кассандре просто никто не верит. Таким образом, мрачные пророчества усиливают тревожное ожидание катастрофы, но совершенно не способны предотвратить ее.

Как видно из приведенных выше примеров, роль пророка обреченного царства закреплена за двумя типами героев. Это либо пророк/юродивый, противостоящий самоуверенным согражданам, не понимаемый ими, либо царица или царевна, также безуспешно убеждающая членов царской фамилии

в бессмысленности сопротивления и неизбежности гибели города. Эти герои несут определенную харизму (пророческого дара и/или царского происхождения), но они в принципе не принадлежат к «сильным мира сего» и не могут изменить ход происходящих событий.

Довольно часто предсказания о падении царства даются не прямо, а являются в форме вешего сна. Этот мотив нехарактерен для литературных произведений, однако очень типичен для фольклора. В южнославянских балладах о турецком завоевании часто рассказывается о снах цариц, предвещающих падение царства. Завоевание Болгарии турками изображается в болгарской песне [Песни 1976, 216—217], вероятно, восходящей к Косовскому циклу соседей болгар — сербов. Жене князя Лазаря, Милице, снится чудесный сон:

Сон приснился, что твердь
раскололась,
Звезды мелкие с неба упали
И луна закатилась во Влашко.
Только одна звезда-вечерница
Не померкла, а стала кровавой.

Милица обращается к монахам с просьбой разгадать сон. Те дают ей такой ответ:

Честь и слава тебе, царица.
Вещий сон ты увидела ныне.
Что небесная твердь раскололась,
Означает — расколется царство.
То, что звезды упали на землю, —
Значит, войско наше погибнет.
Что луна закатилась во Влашко —
Предрекает: царь наш болгарский
Убежит во влашскую землю.
Что на небе звезда-вечерница
Не померкла, а стала кровавой —
Это значит вашего сына
Порешат проклятые турки.

В дальнейшем в балладе говорится, что предсказанное монахами царице сбывается.

Как видно, образность баллады навеяна апокалиптической литературой. Вероятно, описание сна открывается аллюзией на Откровение Иоанна: «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток».

Ассоциация звезд с войском может восходить к другому рассказу о падении звезд — из книги пророка Даниила: «И вознесся до воинства небесного, и низринул на землю часть воинства сего и звезд, и попрал их» (Дан 8; 10). Сами образы баллады строятся по уже знакомому нам принципу аллегории, восходящему еще к библейским толкованиям снов и видений: каждому образу сна соответствует определенная реалья. Мотив сна царицы и его разгадывания мудрецами, несомненно, восходит к библейским снам Фараона и Навуходносора.

Другая южнославянская баллада, повествующая о завоевании Сербии турками — «Фазли-булюкбаша» [Песни 1976, 235—242] — сохранилась в позднем варианте, связанном с австрийско-турецкими войнами XVII столетия, в среде боснийцев-мусульман. Тем не менее, очевидно, что образность сна восходит к более ранней антитурецкой эпической традиции. Там действие также начинается с описания чудесного сна жены губернатора Белграда:

Сон приснился банице¹ влахине
Во столице влашской, во Белграде,
Сон такой приснился ей в постели:
Опоясала змея весь город,
На ворота главу положила;
Вылетает сокол из Стамбула,
С золочеными до плеч крылами,
С вызолоченными до колен ногами,
С клювом, золоченным до подглазья.
Десять соколов за ним летели,
Десять лебедей за ним летели,
Птицы стаями за ним летели...

Снится, будто небо расколосось,
Пал на землю кровавый месяц,
Звезды по углам поразбежались
И осталась кровавая денница
Со своими детками двоими.

Жена губернатора рассказывает ему содержание сна. Тот дает ему толкование:

Что Белград опоясан змеєю —
Это турки по нам ударят.
Что стамбульский сокол летает —
Это царский хранитель печати.

¹ Жене губернатора. «Бан» по-венгерски — правитель области.

Десять соколов летит вдогонку —
Это царские паши с визириями.
Десять лебедей летит за ним —
Это царь с его знаменами.
Птицы летают, летят за ними —
Это царские большие орды.
Расколосось чистое небо —
Это значит, нам войну навяжут.
Звезды по углам поразбежались —
Это побегут мои солдаты.
Месяц пал на землю кровавый —
Это голова моя скатилась.
Осталась кровавая денница
И две звездочки вместе с ними —
Это ты — вдова молодая,
Ты с двумя сиротками своими.

В этой балладе мы находим очень близкие образы; скорее всего, описание чудесного сна в обеих песнях следует считать восходящим к песням Косовского цикла. Образ кровавого месяца, падающего с неба, происходит из апокалиптической образности. Его непосредственным источником, скорее всего, является Откровение Мефодия Патарского, автор которого ссылается на слова из «Деяний апостолов»: «Солнце превратится во тьму, и Луна — в кровь, прежде нежели наступит День Господень, великий и славный» (Деян. 2; 20). Остальные образы дублируют болгарский сюжет. Описание сокола и птиц как символов героя восходит к народной поэзии. Змея, опоясывающая Белград, символизирует турок. Этот образ мы уже видели в «Повести» Нестора Искандера, где змея трактуется как символ мусульман.

Точно такой же сюжет мы находим в русской балладе о падении Казани. Казанской царице перед началом войны снится сон, предвещающий завоевание Казани русскими [Исторические песни 2001, 73]:

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А на спальны белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробуждалась,
царица Елена²,
Симеону-царю³ она сон рассказала:

² Сююн-бике (Сумбека).

³ Казанский хан был пленен русскими в 1552 г. и принял православие, крестившись под именем Симеона.

«А и ты встань, Симеон-царь,
 пробудися!
 Что ночесь мне, царице, мало
 спалось,
 В сновиденнице грозно виделось:
 Как от сильного Московского царства
 Кабы сизой орлища стрепенулся,
 Кабы грозная туча подымалась,
 Что на наше ведь царство наплывала».

В данном случае мы находим прямые параллели с приведенными выше южнославянскими балладами. Сон, предвещающий падение царства, снится царице, иноземный царь изображается в виде орла (в боснийской балладе — сокола). Мы можем предположить, что перед нами переделка южнославянской баллады Косовского цикла, использующая ту же образность, но по отношению к чужому, враждебному царству.

Как видно, роль сновидицы в южнославянских и русских балладах всегда достается царице. Это неслучайно: отнесение сюжета вещего сна именно к женскому персонажу является характерной чертой литературной и фольклорной традиции. Так, в повествовании Геродота о сне Поликрата сон, предвещающий его гибель, снится именно его дочери. В южнославянских и русских балладах, имеющих важным компонентом своего сюжета вещие сны, сон всегда снится женщине: в боснийской балладе — невесте героя, в русской балладе «Дмитрий и Домна» — матери Домны, в балладе о разбойниках — любовнице атамана. Этот балладный прием, по всей видимости, основан на реальных жизненных наблюдениях — как правило, женщины более склонны обращать внимание на вещие сны и приметы, нежели мужчины.

В этом смысле особняком стоит «Казанская история». Перед взятием Казани казанскому царю и сеиду снятся чудесные сны, предвещающие падение города. Царю снится, что «взошел с востока месяц, мал и темен, тонок и мрачен, и встал над Казанью. Другой же месяц будто бы взошел с запада, очень светлый и огромный, и, подойдя к городу, встал выше темного месяца. Темный же месяц перед светлым задрожал и пустился в бегство. Большой месяц долго

стоял, потом, словно крылатый, полетел от своего места, и, догнав, ударил темный месяц, и, как будто проглотив его, принял в себя, и тот в нем засветился. Большой же светлый месяц выпустил из себя с неба вниз, на город, огненные искры, подобные звездам, и сжег всех казанцев. И вновь повис над городом большой месяц, и еще больше вырос он, и ярче прежнего сиял неописуемым светом, словно солнце» [Казанская история 2004, 423]. Сеиду снится «будто бы стекались многочисленнее большие стаи разнообразных зверей, свирепо рычащих: львов, и гепардов, и медведей, и волков, и рысей. И наполнились ими все луга и поля казанские. Навстречу же им выскакивали из города небольшие стада одношерстных зверей — волков воющих. И когда начали они грызться и бороться с различными теми зверями, то все пали. И в один час выбежали все из города, ибо были изъедены лютыми теми зверями» [Там же, 425]. Казанские «волхвы» дают сну толкование: темный месяц обозначает царя казанского, светлый — московского; звери обозначают русских, а волки — казанцев. Этот сюжет близок к южнославянским балладам, повествующим о снах цариц, исполненных апокалиптической топика. В данном случае, небесная топика сохраняется, но ее смысл меняется на противоположный, предвещающая победу христиан над мусульманами. Соответственно, теряются все апокалиптические коннотации, а текст обретает характер прямолинейной аллегии. Отнесение мотива вещего сна к царю и сеиду также, скорее всего, объясняется искусственностью рассказа, сконструированного автором «Казанской истории».

В повествованиях о падении царства, как правило, важная роль отводится устрашающим знамениям — непонятным, странным, пугающим явлениям, происходящим перед падением царства. Так, Иосиф Флавий перечисляет целый ряд знамений, предвещавших завоевание Израиля римлянами: «В то же самое время они не внимали и не верили знамениям, явственно предвещавшим грядущее опустошение. Словно оглушенные громом, незрячие и бесчувственные, они не слышали того, что возвещал глас Божий. Именно

сначала над городом появилась звезда наподобие фракийского меча, и в течение целого года висела комета. Затем, накануне опадения от Рима, когда уже стали проявляться признаки войны, на 8-й день месяца Ксантика, когда народ собрался на праздник Опресноков, на исходе ночи алтарь и Храм вдруг озарились необычайно ярким светом: можно было бы подумать, что на дворе стоит день; сияние длилось около получаса <...> В тот же праздник приведенная кем-то для жертвоприношения корова отелилась посреди Храма, и люди видели, как около полуночи сами по себе отворились ворота Внутреннего Храма — это были медные ворота необыкновенной крепости <...> Ученые постигли, что это разрешается и уходит безопасность Храма, что отворение ворот означает дар врагу, и втайне истолковали это знамение как ясное предзнаменование будущего опустошения» [Иосиф Флавий 2008, 394—395]. О похожих знамениях сообщает и Талмуд: «За сорок лет до разрушения Святынища, его западный светильник погас, а ворота Храма открылись сами собой. На это рабби Бен Закай упрекнул их: “О, Храм, Храм, чем ты так печален?” Я знаю, что придут разрушить тебя. Ибо пророк Захария предсказал о тебе: “Открой Ливан, ворота твои, и да пожрет огонь кедров твои”» [Сантала, 256].

Писатели, рассказывающие о завоевании Константинополя турками, также упоминают об устрашающих знамениях, предвещавших взятие города. Так, византийский историк Михаил Критовул пишет: «В полдень раздался жуткий гром, сквозь облака засверкали молнии, и хлынул такой сильный ливень с ужасным градом <...> эта смесь дождя и града представляла собой странное и необыкновенное явление, которое предсказывало скорую смерть, исчезновение и гибель в бурном и стремительном потоке. Это произошло днем раньше, а весь следующий день с раннего утра и до позднего вечера Город окутывало густое облако. Это показало, что Бог отвернулся от Города, презрел, оставил и покинул его» [Византийские источники 2006, 57]. Нестор Искандер описывает те же знамения несколько по-другому: «Когда

наступил седьмой час ночи, разлился над городом глубокий мрак: воздух в высоте сгустился, навис над городом, словно оплакивая его, и роняя, как слезы, крупные красные капли, подобные по величине и по виду буйволовым глазам» [Повесть 2000, 61]. Увидев это знамение, турецкий царь призывает к себе мудрецов, дабы узнать его смысл, и получает недвусмысленный ответ: «Знамение предивное это — городу погибель» [Там же]. Знамение, описанное в тексте Нестора Искандера, выглядит более чудесным и символическим, чем описанное Критовулом. Неожиданное наступление тьмы явно ассоциируется с евангельским образом тьмы, наступившей во время распятия Иисуса Христа; возможно, здесь есть и ассоциация с эсхатологическим пророчеством пророка Амоса: «И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня». Образ кровавого дождя, помимо апокалиптической картины превращения вод в кровь, может восходить к фольклорной образности. Так, в болгарской балладе «Русая Драгана» сестра попадает в плен к брату-янычару; ночью, выйдя из шатра, он видит кровавый дождь, спрашивает Драгану, откуда она родом, и узнает в ней свою сестру [Песни 1976, 404].

Кульминационным моментом повествований о падении царства является рассказ об исчезновении благодати или ангелов, которые покидают город перед его гибелью. Существование царства или города поддерживается присутствием высших, небесных, сил; их уход означает падение города. Иосиф Флавий, повествуя о падении Иерусалима, описывает такое знамение: «Наконец, в праздник, называемый Пятидесятницей, когда жрецы ночью вошли во Внутренний Храм, чтобы совершить обычную службу, до них, как они рассказывают, сначала донеслись движение и топот, а затем слитные голоса: “Давайте уйдем отсюда в другое место!”». Безусловно, здесь говорится об ангелах, покидающих второй Храм перед его разрушением.

Образ ангелов, покидающих Иерусалим, мы находим и в «Пленении Иерусалима персами» — повести начала

VII в., созданной монахом Антиохом Стратигом, свидетелем взятия города персами в 614 г., во время ирано-византийской войны. Он приводит рассказ двух монахов, попавших в плен к персам и предсказавших падение города: «Когда нас вывели персы из наших пещер, то привели сюда к Иерусалиму. Мы взглянули на стены города и увидели чудное видение: на всех замках и башнях стояло по одному ангелу, держащему в руках щит и огненное копье. И когда мы увидели это знамение, мы очень обрадовались. Мы поняли, что Бог на нашей стороне. Потому мы говорили врагам: “напрасно трудитесь, тщетно думаете касательно этого города, что будто он будет отдан в ваши руки”. И когда мы перестали повиноваться Богу, презрели Его заповеди, пренебрегли молитвами, прекратили моление и прошение милости и умножили наши злодеяния, Господь услышал об этом и разгневался: на Сионе вспыхнул огонь, и гнев постиг народ, и он был отдан смерти и пленению. Тогда сошел с неба ангел за три дня перед постигшим бедствием, явился к ангелам, стоявшим на стенах Иерусалима и оберегавшим его, и сказал им: “уходите, удалитесь, так как Господь предал этот святой город в руки врагов”. И когда сонм ангелов услышал это, они ушли, так как не могли сопротивляться велению Бога. И из этого мы узнали, что наши грехи превзошли милости Бога» [Антиох Стратиг]. Как видно, здесь ангелы изображены как стражи, стоящие на городской стене. Они покидают город, когда Бог принимает решение отдать Иерусалим в руки персидской армии.

Похожий образ мы находим в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера: благодать (или ангелы) уходит из храма Св. Софии перед взятием Константинополя: «В 21 день месяца мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом и, видя это, стражи, побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости Божьей из окон вырвалось огромное

пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неизреченный, и поднялся к небу. <...> Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились» [Повесть 2000, 51]. Патриарх объясняет царю знамение: город оставил «свет неизреченный, который в великой церкви Божией Премудрости был сопричастен прежним святителям и архиереям вселенским» и «ангел Божий, которого ниспослал, укрепляя нас, Бог при Юстиниане-царе» [Там же].

Этот рассказ может быть основан как на литературной, так и на фольклорной традиции. Скорее всего, Нестор Искандер слышал рассказы о знамениях от самих жителей Константинополя; по его утверждению, его повествование о событиях в городе было основано на рассказах, собранных им сразу после взятия города. В пользу этой версии говорит то, что о похожем знамении сообщает «Хроника» византийского историка Сфрандзи: «Свет, исходящий с небес, озарял весь Город. Сначала, когда только увидели свет, они сказали, что Бог прогневался на христиан, пожелал сжечь их и предать в рабство туркам. Затем же, видя, что их [турок] неизменно сбрасывают со стен <...> вновь заговорили об этом свечении. Это де Бог сражается на стороне христиан <...> И по этим причинам, как мы уже сказали, эмир и все его войско были опечалены и пали духом так, что решили на утро следующего дня снять осаду. Однако в тот же вечер, во время совета о завтрашнем отступлении, они снова увидели свет, спускающийся с небес, но в этот раз он не простирался высоко над Городом и не сиял всю ночь, а, появившись вдали, рассеялся и тотчас исчез <...> мудрецы и книжники рассудили, что этот свет означает захват города» [Византийские источники 2006, 142]. Тем не менее, у Нестора Искандера знамение выглядит куда более многозначительным и чудесным, чем у Сфрандзи. Упоминание об ангеле, пребывавшем в Св. Софии, основано на византийском предании о том, что к храму Софии приставлен ангел-страж, который будет пребывать там, пока стоит храм. Оно могло

быть известно Нестору Искандеру как из устной византийской традиции, так и из древнерусского «Сказания о построении церкви Софии Цареградской» [Скрипаль]. Другим источником повествования Нестора Искандера мог стать славянский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, соответствующий фрагмент из которого мы уже привели выше. Святая София как главный собор Византийской империи — и, следовательно, всего православного мира по своему значению отчасти приближалась к древнему Храму, поэтому подобный параллелизм представляется вполне логичным.

После исчезновения благодати из города он представляется окончательно обреченным на падение. Как правило, повествователи не видят смысла описывать новые знамения, так как судьба города и царства уже окончательно ясна. Однако в дальнейшем повествовании, как правило, так же возникают аллюзии на пророческие тексты, однако в несколько другой форме: они используются уже не для нагнетания чувства неотвратимости катастрофы, а для историософского осмысления происходящих событий. Так, Антиох Стратиг приводит слова патриарха Захарии, увидевшего разорение Иерусалима персами: «А блаженный Захария, патриарх, достигнув ворот, вспомнил пленение сынов Израиля и сказал: “Благословен Господь! Он на нас также наслал все, что было в прежние дни, во дни израильского народа и во времена Моисея”». Нестор Искандер в своем осмыслении падения Константинополя пользуется библейской «Книгой пророка Даниила» и византийским апокрифическим «Последним видением Даниила». Согласно Нестору Искандеру после взятия города султан входит в храм св. Софии: «И поиде в церковь, и вниде мерзость запустения в святилище Божие» [Повесть 2000, 67]. Здесь автор цитирует книгу Даниила, рассказывающую об осквернении Храма Антиохом Епифаном: «на крыле святилища будет мерзость запустения». Позднее христианские толкователи относили это предсказание к разорению Иерусалимского храма римлянами, описанному Флавием, или ко временам антихриста. Таким

образом, Нестор Искандер снова сопоставляет Константинополь и Иерусалим, храм св. Софии и Иерусалимский храм. Султан, очевидно, ассоциируется с антихристом. Далее он пишет о султанине: «И приказал всем разойтись, чтобы каждый отправился в свой дом, ибо хоте увидеть красоту церковную и сокровища, дабы сбылось предсказание: “И руки свои на святыни жертвенные и святыни погубит и отдаст сыновьям погибели”» [Там же]. Здесь Нестор Искандер цитирует апокрифическое «Последнее видение Даниила» [Книга 2007, 466]. Впрочем, автор явно не считает турецкого султана последним антихристом; скорее он один из его многочисленных прообразов.

Историософские размышления часто завершаются пророчеством о будущем восстановлении царства. Так, Дука пишет: «Еще юношей слышал я от неких почтенных старцев, что конец тирании Османов совпадает с концом империи Палеологов. Ибо в одно и то же время Осман стал тираном, а Михаил Палеолог — императором; Михаил чуть раньше, а Осман немного спустя — во времена Андроника Палеолога <...> Поэтому надлежит, чтобы конец пришел сначала императорам и Городу, а потом и Османам» [Византийские источники 2006, 109]. Нестор Искандер также пишет о будущих событиях, излагая их в соответствии с «Последним видением Даниила». После царя, который «возложит руки на святыни жертвенные», Константинополем будет владеть «светлый род» (или по Нестору Искандеру «русый род»). Скорее всего, первоначально речь шла о крестоносцах, захвативших город в 1204 г., но позднее «русый род» был переосмыслен как «русский род». Подобная трактовка укоренилась в традиции и была очень популярна в эпоху русско-турецких войн. Затем явится «последний царь», который уничтожит треть измаилитян, треть крестит и треть прогонит «до последнего дерева». В последующие столетия подобные предсказания становятся важнейшим жанром фольклора балканских народов. Ср., например, пророчества, приписываемые греческому святому XVIII в. Косме Этолийскому: «Антихристы уйдут, но снова вернуться, 117

затем вы будете их преследовать до Красной яблони» [Зоитакис 2007, 116]. А. Зоитакис отмечает: «В греческой народной традиции и преданиях Красной Яблоней называется “Коккини Милья” — место где-то в Месопотамии, куда будут изгнаны турки после освобождения Константинополя» [Там же, 116]. Можно не сомневаться, что этот образ взят из «Последнего видения Даниила». Согласно другому предсказанию, «турки уйдут и снова вернуться и дойдут до Шестимилия. Из них одна треть погибнет, одна треть уверует во Христа, а одна треть уйдет в Коккини Милья»⁴ [Там же, 118].

Подведем итоги. В легендах о падении царств нам удалось выделить следующие мотивы, связанные с темой пророчеств и знамений:

1. Судьба города/царства predetermined уже при его основании.
2. Существуют древние предсказания, говорящие о падении города/царства.
3. Предсказания даются непосредственно перед описываемыми событиями.
4. Царице снятся вещие сны, предвещающие падение царства.
5. Перед взятием города/началом войны являются устрашающие знаменья.
6. Перед падением город оставляет благодать/ангелы-хранители.
7. События, происходящие во время разорения города, являются исполнением древних пророчеств.
8. Существует пророчество о том, что в будущем город/царство будет восстановлено.

Приведенный нами ряд мотивов чрезвычайно устойчив; значительная часть этих мотивов присутствует в большинстве повествований о падении царств. Литературный канон повествований о падении царств начал формироваться еще в античной и древнееврейской литературах. Окончательно рассмотренный нами канон сложился в средневековых литературах и фольклорной традиции православных стран (Византии, Болгарии, Сербии,

Руси, Грузии). Этот канон в процессе своего формирования в значительной мере опирался на устную традицию; в дальнейшем повествования о падении царств ориентировались уже на литературную традицию. В то же время, они снова наполнялись живым фольклорным материалом, заимствовавшимся из устной традиции, каждый раз воспроизводящей стереотипные рассказы в близких исторических ситуациях.

Литература

- Антиох Стратиг — *Антиох Стратиг*. Пленение Иерусалима персами. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Stratig/text.phtml?id=51>
- Византийские источники 2006 — Византийские источники о падении Константинополя в 1453 году. СПб., 2006.
- Зоитакис 2007 — *Зоитакис А.* Житие и пророчества Космы Этолийского. М., 2007.
- Иосиф Флавий 2008 — *Иосиф Флавий*. Иудейская война. М., 2008.
- Исторические песни 2001 — Исторические песни. М., 2001.
- Казанская история 2004 — Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2004. С. 252—509.
- Книга 2007 — Книга об антихристе. СПб., 2007.
- Песни 1976 — Песни южных славян. М., 1976.
- Повесть 2000 — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 2000. С. 24—71.
- Сантала — *Ристо Сантала*. Мессия в Новом Завете в свете раввинистических писаний. <http://www.ristosantala.com/rsla/Russian.html>
- Скрипаль — *Скрипаль М.О.* «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/10_tom/Skripil/Skripil.pdf
- Шпилевский 1877 — *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- Summary.** *The article is devoted to the investigation of the legends about fall of the kingdoms in Byzantine and Slavonic literatures and folklore. In the article the stories about prophecies, signs and prophetic dreams are analyzed. The content of the article is resumed in the list of the motives most typical for these works.*
- Key words:** *medieval literature, legend, prophecies, signs.*

⁴ Ср. из «Последнего видения Даниила»: «И они растерзают измаильтян, и будут преследовать их до Колоний».